

Моск. правба - 1994 - 4 окт. - с. 8.

Бог в помощь вам, друзья мои!

НОЧНАЯ «эвакуация» нашей киносъемочной группы из Симферополя напоминала небезызвестную хохму Михаила Задорнова о «проводнице второго девятого вагона». Проводница вагона, в котором должны были ехать мы, издали увидев мчащуюся на нее толпу, захлопнула дверь и, навалившись на нее грудью, забилась в истерику. Не пуская в вагон, она выкрикивала что-то нечленораздельное о своем долге и тридцати шести килограммах, полагающихся на каждого пассажира. Наша сильно потрепанная в полуторамесячной крымской экспедиции группа действительно представляла экзотическое зрелище и могла напугать кого угодно. Кроме личного багажа, проход по перрону был перекрыт телегами, груженными ящиками с киноаппаратурой, разнокалиберными осветительными приборами, баулами с костюмами и попонами, лошадиной упряжкой и гримом, коробками с посудой, сундуком с пиротехникой, тюками с доспехами... Все это шеститысячные копыта и «рогами» из корней какого-то немыслимого растения, подбранного гримерами еще в Судке.

Взяв за образец наступательную тактику Александра Македонского, о котором снимаем фильм, мы приступом взяли вагон. Причем в ход шло все: от расклевывания на платформе и возведения проводницы в ранг полубогини до разбрасывания стодолларовых купюр (в исполнении директора картины Бориса Пшеничного). Забаррикадовав проводницу в ее собственном купе многочисленными тюками, мы за пять минут погрузились, раскидав по вагону вещи. (Вот что значит опыт полуторамесячной тесной творческой жизни!) Поезд тронулся. В течение оставшейся части ночи все дружно искали «самый большой ящик из-под «Мальборо», набитый дорожными париками, дегустировали последнюю партию массандровских вин, рассуждали, стоит ли взорвать десяток неиспользованных ракет и предавались воспоминаниям о промчавшемся месяце...

...ОДНИМ из запомнившихся моментов была встреча на вокзале со Львом Дуровым (исполнителем роли Диогена). Лев Константинович выскочил из вагона веселый, выпавший, готовый к работе. Сел в машину, на которой мы должны были пропутьествовать из Феодосии в Новый Свет (где шли съемки), и с вдохновением сообщил водителю, что сам он очень «травматический» человек и без конца попадает в аварии и транспортные происшествия. Николай Иванович Кузнецов, наш звукооператор, мысленно перекрестившись, крепче вцепился в руль авто. Причем у Льва Дурова травмы появлялись независимо от того, каким способом он передвигается. Так, например, на съемках «Мастера и Маргариты» артист сел на верблюда. А верблюд (дело было в Израиле) стал пыхтеть к обрыву. «Пятится и орет, пятится и орет, словно какая-то сила его туда сталкивает. Как только

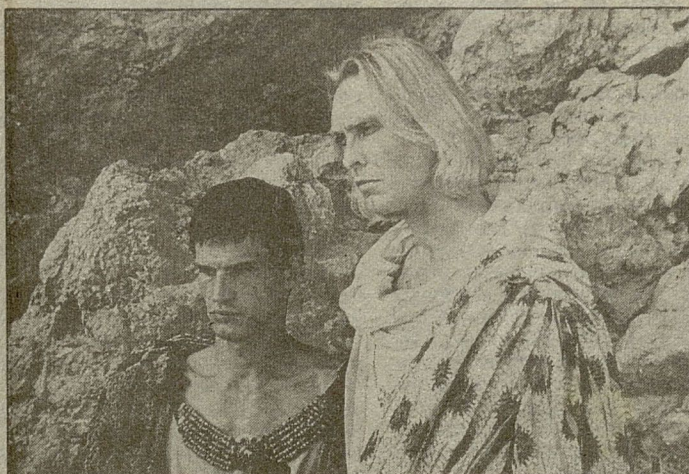
живы остались! Я, например, зарекался, - продолжал Лев Константинович. - И на лошадей-то теперь сажусь, только когда прозвучит команда «камера-мотор».

На съемках фильма «Дартаньян и три мушкетера» ему довелось делать проскок. (Кстати, артист хорошо сидит в седле). Лошадь была резвая, почва скользкая. В результате получился великолепный каскадерский трюк. «Летели с конем друг через друга, света белого не видя. «А на нашей картине будут лошади?» - «Будут. Но вам на них сидеть не придется». - «Ага...» - только и промолвил он в ответ. Как потом оказалось, это его не сильно расстроило - вместо лошади и верблюда он нашел себе другое развлечение в кадре - бросаться в штормовое море.

Прочитав Александру Македонскому наставление о том, что совершенное государство, которое хочет построить молодая царь, уже создано Господом Богом - «Это сама Вселенная», Диоген «похулиганил», кинув пару камней в камеру, вышел из пещеры, у входа в которую возлежал, и бесстрашно погрузил свое тело в пучину, поплыв куда-то к горизонту. По дороге он успел поймать отклеившуюся бороду и усы. Чем окончательно покори сердца трех наших гримеров, поскольку все бороды и усы были казенные и на счету. Выполнил Лев Константинович на четвереньках. Колени были разбиты в кровь. Но оператор Александр Добрынинский остался, кажется, доволен - получилось динамично.

СНИМАЕТ нашу картину Саня Добрынинский. Тоже человек азартный и весьма рискованный. Хотя, кажется, ни за что в этом не признается. «Я никогда не думал, что смогу снимать с вертолета», - рассказывает он в купе. - Ну представляешь: открываешь дверь, свесиваешь ноги и садишься... Но заглянул в глазок - и вроде все по-другому... Главное, в нужный момент камеру к себе прижать крепче». Однажды он снимал толпу, которая пришла проверяться на СПИД. «Меня не интересовали лица - здесь ведь существует этический момент. Меня интересовала сама толпа. Но едва вышел за угол и нажал на кнопку, как сразу почувствовал себя в воздухе... Чуть аппарат не разбили».

С нашим оператором приятно работать - он человек удивительно контактный, натура творческая, ищущая. Для него на картине важно было наличие «неслучайного» коллектива, коллектива единомышленников, который «мог бы варить идеи и потом воплощать их», важно было нахождение единой стилистики, в которой будет сниматься фильм, ощущение того, что то что он делает - точно и интересно. Александр был, по моему, готов снимать отовсюду, где можно было только установить камеру. Когда в Воронцовском парке Алупки исполнился проскок каскадеров, в азарте чуть не залез под копыта лошадей: «С двух метров, снизу вверх...» Спасибо Алику Ивкину, который уперся: «Не дай камеру! Пять метров минимум плюс железное ограждение!»

Алик Ивкин - очень серьезный, никогда не теряющий голову человек, раза два спасавший нашу группу. Говорят, что в момент прохождения по вагону таможи он сел на железный ящик с пиротехникой (то есть всем тем, что как раз и искали таможенники, - гранатами, дымовыми шашками, ракетами). В самый ответственный момент ему на голову свалился тук с воинскими доспехами. Все находящиеся в купе бросились «приводить в чувство» механика по работе с синхронной камерой. Таможенники же, выразив соболезнование, прошли мимо.

...БЕСКРАЙНЫЕ горные просторы. В нескольких шагах от дороги, недалеко от моря, на гребне холма лежит пифос - пристанище последнего Диогена. Молодой царь в сверкающих латах, поверх которых развешивается красная мантия и его ближайшее окружение - друзья и военачальники ехали к нищему мудрецу. «И так они ехали и падали, и снова ехали и падали», - смеясь изрек перед началом съемки Александр Живневский, профессиональный каскадер, который вместе с Геннадием Ламковым и Михаилом Тыртышом должен был обеспечивать безопасность на конных съемках. Нет, конечно, мы все тренировались в Москве. Но артисты - народ занятый - съемки, концерты, спектакли. Поэтому степень подготовки у всех была разная. Например, у Игоря Карташева (исполнителя роли Птолемея - будущего царя) слово «лошадь» вызывало озноб и испарину одновременно. В Москве он успел посидеть в седле два раза. Причем оба раза его лошадь вела в поводу, а он сидел, вцепившись мертвой хваткой в луку. После занятий с ним Гена Ламков звонил и в растерянности говорил: «Это - клиника. Я не знаю, что с ним делать. Он панически боится лошадей».

Но присутствие камеры творило чудеса. Перед съемкой Геннадий подъехал к Карташеву: «Игорь, если сейчас не поедешь - придется убирать тебя из кадра. Я сам - в седле, дублировать тебя некому». - «Я попробую!» - был ответ. Прозвучала команда: «Мотор! Камера!» «Некогда пробовать!!!» - закричал Ламков и стегнул лошадь Карташева. И вот все свидетели этой сцены имели удовольствие лицезреть, как Птолемей, вцепившись в повод, поскокал гаплом, обгоняя всю компанию во главе с Македонским (придерживая коня еще не умел). И даже умудрился взглянуть в сторону объектива, что вызвало естественный смех - артист всегда остается артистом, даже в экстремальной ситуации. Психологический барьер был сломан. Проскок повторяли несколько раз. И каждый раз Карташев лихо скакал вместе со всеми. И каждый раз Михаил Тыртыш кентавром носился по кустам, перепрыгивая через ямы, обгоняя лошадей и лоя актёра на «том конце» пути. Самым же большим подарком для каскадеров, готовивших нас к съемкам, было сообщение жены Карташева о том, что, приехав в Москву, ее супруг «ухнул» из

семейного бюджета пятьдесят тысяч, самостоятельно развезя по Арбату и демонстрируя толпе навыки, приобретенные в Крыму.

Так уж получилось, что барду и артисту театра им. Рубена Симонова Игорю Карташеву в этой экспедиции достались сцены с истинно каскадерскими трюками.

Сцена «Дом Неарха» снималась в одном из живописнейших уголков Крыма в Гурзуфе. На «греческой» террасе с видом на море и скалы сидел Неарх, флотоводец Александра Македонского, и кончиком стрелы чертил на песке абрисы кораблей. На столике, вцепившись в край вазы с фруктами, «балдел» белоснежный попугай. По парашюту прыгала зеленоватая обезьяна, обрывая со стен обои, которые должны были изображать античную мозаику.

«А ты быстрый, мой друг, как вестник богов», - рассмеялся Неарх. Запыхавшийся от бега Птолемей сообщил: «Эрот пронзил мое сердце!» Неарх захохотал от хохота: «Хотел бы я узнать имя той, что прелестила тебя на этот раз...»

У ног Птолемея плескалась в бассейне вода с хорошей дозой медного купороса. Стален Никандрович Волков, художник-постановщик нашей картины, вообще неравнодушен к ярким тонам и ярким личностям. Поэтому вода была сочного синего цвета.

Свалившийся в купорос Птолемей (вода накрыла его с головой, зато заглушенная в него Неархом обезьяна пролетела мимо) сидел в бассейне и постоянно принимал бледно-голубой оттенок. Жен-

в сутки по триста долларов, а суточные артистов Яременко и Карташева составляли всего десять баксов.

РЕЖИССЕР фильма Неля Алексеевна Гульчук утверждает, что при выборе артистов основным критерием было не только наличие таланта, но и наличие великолепной фактуры, натренированных тел, красивых умных лиц, умения хорошо двигаться, танцевать, сидеть в седле. Как говорил Питер Брук, «способность привнести в действие новое качество».

- Поэтому все актеры у нас не похожи друг на друга, - рассказывает режиссер, - ни внешностью, ни характерами.

Мы долго не могли найти Черного Клита. Пересмотрели множество артистов, обратились к председателю каскадеров России Александру Иншакову и даже (была такая безумная идея) к Александру Серову. Нам нужна была сильная личность, человек с мощной энергетикой, способный выдержать свой протест, да так, чтобы тот схватился за копы и пронзил в ярости «посмеявшегося». Кроме того, Клит должен был великолепно сидеть в седле, потому что с одной из героинь (Еленой) у него сцена любви решена на лошадях. И вот, когда мы уже в отчаяние опустили руки, в группу вошел Клит. Таким, каким мы его себе представляли - сильным, открытым, честным. Кроме того, обладающим прекрасной фактурой. Это был актер Театра им. Моссавета Юрий Душин.

Хотя в душе он тонкий и мягкий человек, мы делаем из него жестокого воина. Юра занимается восточной борьбой. По утрам в Крыму вместе с ребятами он уходил в горы, и они с интересом наблюдали за его занятиями. Он обладает превосходной пластикой. Кроме того, у него своя философия, свои, не похожие на остальных взаимоотношения с миром. Это очень цельная натура. В сценарии сейчас дописывается сцена с погонями, разоблачением заговора и яркими эпизодами рукопашного боя специально для Клита.

Но главное в фильме это все-таки тема любви. В результате долгого изнуряющего похода чувства героев перерастают в настоящую любовь. «Зачем тебе мир без любви?» - неоднократно спрашивает Александр красавица-гречанка Таида. И это очень важная мысль в картине. Зачем нужен мир без любви?

Величие Александра Македонского в том, что он первым собрался построить единое государство без границ. Но мы считаем, что любая война, с какими бы целями она ни велась, - преступление. И об этом говорит Диоген: «На что ты тратишь свою жизнь, царь?»

На роль Македонского был приглашен Леонид Лютвинский. (Он работал в «Ленкоме», а затем у Романа Виктока). Почему именно Леонид? Он очень киногигиен, великолепно двигается. Человек, безусловно, мужественный. И уже первые съемки это показали. Ему достался Букефал таким,

каким он, наверное, был у самого Македонского. Небезданный, строптивый. И ему, так же как и Македонскому, пришлось укрощать коня. И, несмотря на то, что лошадь сбросила актёра, он заставил себя сесть на нее снова и довел съемки до конца».

И еще об одном актере хочется рассказать особо. Это Денис Карасев («Ленком»), исполнитель роли Гефестиона. Гефестион - самый близкий друг Александра, которому царь доверял все свои самые сокровенные мысли. Он всегда чуть сзади царя - на военных советах, на веселых застольях. И только в бою рядом - бок о бок с царем. Денис, исполняющий роль Гефестиона, артист очень сильный, чуткий, органичный, все видящий и все слышащий на площадке. Он интересен тем, что его актерские оценки каждый раз непредсказуемы - будь то экран или сцена. Его правильнее всего было бы сравнить с айсбергом, две десятых которого находится на поверхности, а восемь десятых - вне пределов досягаемости.

Что же касается выбора героинь, - рассказывает режиссер, - то тут мы пошли по иному пути. Мы шли от характеров трех конкретных женщин, представляющих собой яркие индивидуальности. Они по профессии - не актрисы, хотя снимались до этого в кино. Одна из них - профессиональный переводчик, другая - училась на режиссерском факультете института современного искусства, третья - корреспондент одной из центральных московских газет. Все они прекрасно ездят верхом, танцуют, а главное, обладают женственностью и шармом. Многие сцены в сценарии были дописаны, исходя из конкретных характеров наших актрис.

...НЕСКОЛЬКО жриц факелами освещают девушкам путь. Они бегут по свежеспаханной пашне. Лунный свет, словно занавес, скрывает их... Светает. Меняет свой свет Луна. От земли идет пар. На поле разметались усталые воины. Их мощные тела обнажены. Мускулистые руки крепко сжимают в объятиях подруг...

- Подарком для всей съемочной группы, - рассказывает режиссер, - была встреча с балетной труппой Елены Богдановой. Это один из немногих балетмейстеров-постановщиков, способных выразить образно и поэтично тему Эроса, показать красоту человеческого тела, выявить в актере его индивидуальность, подчеркнуть особенности его характера. Елена, кажется, может заставить танцевать абсолютно нетанцующего человека. Нам же красивое пластическое решение нужно было в построении многих эпизодов, даже не в танцевальных сценах. Чтобы в кадре были не просто говорящие головы. Ведь мы снимаем музыкальный фильм. Это будет по жанру историко-приключенческая мелодрама. На выбор темы большое влияние оказал роман Ивана Ефремова «Таис Афинская», а также труды Курция Руфа, Павсания, Плутарха. На основе всех этих материалов был создан оригинальный сценарий. Ну а названия у картины пока еще нет. Нам предстоит снять в очень живописных местах Греции, Турции, Египта, Ирана, Чехословакии, Узбекистана.

Финансирует эту очень дорогостоящую и сложную постановочную картину фирма «Роника» во главе с Андреем Комаровым. «Одевает» наших актеров в оригинальные, по-царски роскошные костюмы талантливая художница Людмила Гайнцева. Ну а музыку к фильму пишет Геннадий Гладков - и этим все сказано.

Елена КУРБАНОВА.

P.S. В фильме я тоже Елена.

Курбанова Елена

4.10.94